

ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ПАРФЯНСКОГО ЦАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

«Их корни и ветви были короткими, так что никто не может утверждать, что их прошлое было славным», — писал об Аршакидах Фирдоуси. Как о варварах, неспособных создать ничего своего, нередко отзывались о парфянах античные авторы. В завуалированной форме подобный скепсис характерен и для некоторых современных историков, продолжающих рассматривать Парфию в духе Э. Херцфельда, однако в послед-

нее время возобладали тенденции к более гибкому анализу истории этой великой державы, просуществовавшей около пяти веков и в лучшие времена объединившей огромные территории Ближнего и Среднего Востока.

Еще во времена Антиоха I парнские племена, будущие основатели Парфянской державы, не представляли серьезной опасности для селевкидского государства, да и центр политической активности Селевкидов был на западе: в 277—275 гг. до н. э. последовали нападения кельтов на Малую Азию, затем в 274—271 и 260—253 гг. до н. э. — первая и вторая Сирийские войны с Птолемеевским Египтом. Однако прошло чуть больше столетия, и Селевкиды были окончательно вытеснены парфянами за Евфрат, который с этого времени надолго стал границей. Скудность и разнородность источников не позволяют с точностью восстановить ход политических событий, связанных с быстрым взлетом аршакидской династии от кочевой жизни до основания великой державы древности, однако при всех расхождениях исследователи обычно сходятся в том, что сам военный захват происходил примерно с 250 г. до н. э. и очень быстро завершился успехом (К. Шипман определяет его длительность примерно в 15 лет¹).

Последовательность политических событий реконструируется обычно следующим образом: Плиний (HN. VI.33 и VI.67) и Страбон (XI.10.2) пишут о том, как неизвестные варвары напали на области Маргианы и Ареи и опустошили их; города Александрия в Маргиане и Гераклея в Арее были затем восстановлены Антиохом I и переименованы соответственно в Антиполю и Ахайю, кроме того, в Маргиане были возведены стены для лучшей защиты от будущих вторжений. По мнению многих исследователей, вероятно, хотя и не обязательна, идентификация этих варваров с парнами². С другой стороны, совершенно резонно замечание В. А. Гафова в рецензии на книгу К. Шипмана о спорности этого предположения, которое при нынешнем состоянии источников нельзя окончательно ни доказать, ни опровергнуть³.

Около 250 г. до н. э. парнские племена под предводительством Аршака захватили Астауэну, и в 247 г. в Асааке (локализация этого пункта до сих пор неясна; вероятно, он находился где-то в долине Атрека⁴) Аршак провозгласил себя царем. В 246 г. до н. э. на селевкидский престол взошел Селевк II, который, подобно своим предшественникам, мало занимался восточной частью своих владений (в год его коронации началась третья Сирийская война, получившая название «войны Лаодики» по имени первой жены Антиоха II). Пока шла война за наследство в Сирии, сатрап Селевкидов в Парфии Андрагор добился самостоятельности (Just. XLI. 4); правда, по источникам не ясно, было ли это восстание местного населения провинции или личная инициатива самого сатрапа⁵. В 241 г., заключив перемирие с Птолемеями, Селевкиды попытались, наконец, навести порядок на Востоке, но было поздно — завязалась междоусобная война, и Андрагор сохранил независимость, чему отчасти способствовало то, что Селевк II продолжал быть скованным на западе, неся чувствительные поражения от кельтов (в частности, при Анкире). В 239 г. до н. э. Бактрия также отпала от Селевкидов — ее сатрап Диодот, вначале чеканивший монету с собственным изображением, но с упоминанием Антиоха в легенде, перешел к полностью независимой монетной эмиссии⁶. Воспользовавшись этими событиями, около 238 г. до н. э. Аршак вторгся в Парфию, захватил ее и затем овладел еще Гирканией, заложив таким образом основы будущей

¹ Schippmann K. Grundzüge der Parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980. S. 17, 105.

² Ibid. S. 15.

³ ВДИ. 1984. № 2. С. 212.

⁴ Schippmann. Op. cit. S. 15—17.

⁵ Debevoise N. C. A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 41.

⁶ Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984. P. 178; Lahiri A. N. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta, 1965. P. 110 f.; Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxf., 1957. P. 14 f.

империи (Андрогор при этом погиб от руки самого Аршака) ⁷. История Андрогора представляется не совсем ясной: он упоминается в ранней, до 266 г. до н.э., надписи из Гургана, что позволяет предположить, что он был назначен селевкидским наместником еще до смерти Антиоха I в 261 г. до н.э. В течение правления Антиоха II (261—246 гг.) Андрогор постепенно отходил от селевкидской власти, в частности, стал чеканить собственную монету, на которой, правда, его имя еще лишено царского титула, — в Амударьинский клад, как считается, входило по крайней мере три его золотых статера и три серебряные тетрадрахмы (и, кроме того, еще две золотые монеты, статер и двойной статер, Вахшувара) ⁸. В этом состоянии неполностью оформленной автономии и застал Андрогора Аршак.

С Андрогором связана еще одна дискуссия. Дело в том, что Р. Гиршман сделал попытку на археологическом и нумизматическом материале доказать, что Андрогор был иранцем по происхождению ⁹. При этом он обратил внимание на замечание Юстина (XII.4.12) о некоем Андрогоре «ex nobilibus Persarum» по отношению ко времени Александра Великого, а также на прическу правителя, изображенного на золотых статерах Андрогоровой чеканки, выполненную по ахеменидским канонам. Гиршману возразил И. Вольский ¹⁰, подвергший сомнению историчность сведений Юстина в этом случае. Второе упоминание об Андрогоре у того же древнего автора не дает нам ничего, кроме имени (XLI. 4.7); в других нарративных источниках имя сатрапа Парфиены вообще не встречается. В целом И. Вольский выдвинул следующие соображения против гипотезы Гиршмана ¹¹: во-первых, надпись из области к юго-востоку от Каспия, опубликованная Л. Робером ¹² и датированная временем до 266 г. до н.э., содержит упоминание высокопоставленного чиновника при Антиохе I Сотере по имени Андрогор, по всей вероятности, идентичного сатрапу Парфиены. Если это так, то иранское происхождение чиновника такого ранга при Селевкидах практически исключается, в пользу же идентичности двух Андрогоров говорит относительная редкость этого имени, которое едва ли могло повториться в одной области с разницей в несколько десятков лет и в таком узком круге лиц. Во-вторых, если предположить, что мы имеем дело с греческой передачей иранского оригинала (как это предлагал И. Гершевич в письме Р. Гиршману) ¹³, то как объяснить полное совпадение имени и на монетах, и в надписях, и в передаче Юстина? Кроме того, при освобождении от власти Селевкидов при Селевке II

⁷ *Wolski J.* L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au 3me siècle av. J.-C. // *Bulletin International de l'Académie Polonaise des Sciences et Lettres.* Suppl. 5. Cracow, 1947. P. 32 suiv.; *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. V. 1. Nancy, 1966. P. 271 suiv.

⁸ См. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 30 сл. Табл. на с. 42; по номенклатуре Е. Зеймалю это монеты соответственно II.389—391; II.392—394 и II.395, 396. См. также: *Зеймаль Е. В.* Амударьинский клад. Каталог выставки. М., 1979. № 0448—0455; *Gardner P.* New Coins from Bactria / NC. New Series. V. XIX. 1879. P. 1. Pl. I, 1; P. 4. Pl. 1, 2; *idem.* The Coins from Central Asia // NC. 3d Series. V. I. 1881. P. 8. Pl. II, 1; *Hill G.* Catalogue of the Greek Coins of Arabia, Mesopotamia and Persia. L., 1922. P. CXLVIII—CLX; P. 193. Pl. XXVIII, 1—3 XXVIII, 6; *Cunningham A.* The Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // JASB. 1881. P. 172. № 23; p. 173. № 26—27; *Марков А. К.* Неизданные Арсакидские монеты // ЗВОРАО. 1891. Т. VI. СПб., 1892. С. 266—269. Табл. III, 1. По поводу идентификации Андрогора-Нарагура (NRGWR)-Вахшувара см. *Зеймаль Е. В.* Андрогор-Вахшувар и Бактрия // III Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван, 1988, С. 26—28.

⁹ *Ghirshman R.* Un tétradrachme d'Andragoras de la collection de M. Foroughi // Near-Eastern Numismatics, Iconography, Epigraphy and History. Studies in Honour of George C. Miles. American Univ. of Beirut, 1974. P. 1—8.

¹⁰ *Wolski J.* Andragoras était-il iranien ou grec? // *Studia Iranica.* 1975. T. 4. P. 159, 161—162.

¹¹ *Ibid.* P. 162—165.

¹² *Robert L.* Une inscription hellénistique d'Iran // *Hellenica.* T. XI—XII. P., 1960. P. 85—91. Pl. V.

¹³ *Ghirshman.* Un tétradrachme... P. 6.

Каллинике Андрагор в этом случае наверняка принял бы иранское имя. Все сказанное, на наш взгляд, достаточно убедительно опровергает гипотезу Р. Гиршмана. Более проблематичным представляется другое предположение И. Вольского, который считает золотые статеры Андрагора с «ахеменидской» прической подделками Аршака под своего предшественника (подражание Ахеменидам и чеканку от имени бывшего сатрапа завоеванной области можно объяснить стремлением Аршакидов создать видимость преемственности власти)¹⁴.

В целом быстрое возвышение Аршака и его преемников было тесно связано с центробежными тенденциями, возобладавшими в то время в державе Селевкидов, которым уже не удавалось поддерживать целостность своего неоднородного государства. Наряду с Парфией и Бактрией вскоре отпали Мидия-Атропатена, Элимаида, Персида; образовалось небольшое царство Харакена в Южной Месопотамии¹⁵.

В связи с возникновением Парфянского государства остро встает проблема датировок. Аршакадская эра исчислялась от весны 247 г. до н. э., однако точное событие, по которому она отсчитывалась, нигде в источниках не названо. Обычно предполагают, что в этом году состоялась коронация Аршака в Асааке, описанная, в частности, у Исихора Харакского¹⁶. Однако существуют и другие точки зрения: больше ста лет назад П. Гарднер предложил считать 247 г. до н. э. датой восстания в Парфии против селевкидского сюзеренитета¹⁷; В. Тарн в свое время связывал этот год с датой коронации Тиридата I, которого считал вторым парфянским царем¹⁸, хотя сейчас о царствовании Тиридата, брата Аршака, ведутся споры¹⁹. Сторонники наиболее осторожного подхода считают 247 г. до н. э. просто временем начала деятельности Аршака I, основателя династии. Не лишено оснований предположение А. Бивара, что в данном случае имеет место датировка «задним числом», связанная с попыткой Аршакидов отсчитывать годы своей эры непосредственно от Селевкидов: 247 год был последним годом правления Антиоха II, с его смертью империя стала быстро распадаться; возможно, кроме того, что именно в 247 г. до н. э. Андрагор стал править самостоятельно в Парфии²⁰. Фактическое же начало правления Аршака I в таком случае следует отнести к 238 г. до н. э. (за год до этого Бактрия отделилась от Селевкидов)²¹. Это предположение не противоречит данным Юстина (XLI.4).

В целом И. Вольский, один из приверженцев этой датировки, предлагает следующую хронологию раннего периода истории Парфии: ок. 280 г. до н. э. — первое появление парнов в Иране, Селевк I вынужден послать против кочевников своего военачальника Демодама; ок. 250 г. — парны под руководством Аршака захватывают Астауэну; 247 г. — коронация Аршака в Асааке; 245 г. — восстание Андрагора в Парфии; 239 г. — Птолоб в Бактрии в свою очередь объявляет независимость; 238 г. — смерть Андрагора и захват власти Аршаком и 235 г. до н. э. — завоевание Аршаком Гиркании²².

¹⁴ *Wolski*. *Andragoras*... P. 165—166.

¹⁵ *Ghirshman R.* *L'Iran des origines à l'Islam*. P., 1976. P. 237 suiv.

¹⁶ *Isid. Charac. Mans. Parth.* II. Интересно, что этот автор сообщает о негасимом огне, хранимом в Асааке, к сожалению, не говоря ничего о его происхождении. Для более позднего зороастризма эпохи Сасанидов известна церемония возжигания огня в храме в начале каждого нового царствования.

¹⁷ *Gardner P.* *The Parthian Coinage / Intern. Numismata Orientalia*. Pt. V. L., 1877. P. 3.

¹⁸ *Tarn W.* *Parthia // САН*. V. IX. 1932. P. 576.

¹⁹ См. *Кошеленко Г. А.* *Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о Нисийском остраконе № 1760) // История и культура народов Средней Азии (древность и средневеки)*. М., 1976. С. 36.

²⁰ *Bivar A. D. H.* *The Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran (далее — CHIr)*. V. 3. Pt. I. Camb.— L., 1983. P. 28.

²¹ *Frye*. *Op. cit.* P. 178—180; *CHIr*. V. 3. Pt. I. P. 28 f.

²² *Wolski J.* *Der Zusammenbruch der Seleucidenherrschaft im Iran im 3 Jh.v.Chr. // Hellenismus im Mittelasien // Hrsg. von F. Altheim. Darmstadt, 1969. S. 253 f.*

Еще одна проблема, возникающая при исследовании ранней истории Парфии, состоит в спорности генеалогии первых Аршакидов. Неясно, прежде всего, кто был царем в момент окончательного завоевания Парфии в 238 г. до н. э., — по мнению одних, Аршак был убит и смещен на троне своим братом Тиридатом, по мнению других, — оставался у власти до 217 г. до н. э.²³ Юстин (XLI.5.7) писал, что преемник Аршака носил то же имя и был его сыном. В любом случае имя Аршак, строго говоря, ничего не проясняет в генеалогии этой династии — так именовали себя практически все парфянские цари в знак принадлежности роду Аршакидов (см. у Страбона — XV.1.36: Ἀρσάκαι γὰρ καλοῦνται πάντες, ἴδια δὲ ὁ μὲν Ὀρωδῆς, ὁ δὲ Φραάτης, ὁ δὲ ἄλλο τι — «„Аршаками“ они называют себя все — равно и Ород, и Фраат, и другие»). Помимо проблематичности правления Тиридата вслед за Аршаком I разногласия вызывает счет царей с именем Артабан — одни, как А. Бивар, считают, что Артабан I правил вслед за Тиридатом I и перед Фриаптием²⁴, другие же, как Р. Фрай, исключают правление этого первого из Артабанов (поэтому весь счет царей с этим именем уменьшается на единицу)²⁵. Важный материал по генеалогии дают исследования остраконов из архива Нисы, опубликованного И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем. Особый интерес представляет остракон № 1760, надпись на котором относится к 157 г. аршакидской эры (т. е. 91 г. до н. э.) и сообщает о внуке Фриаптия, сыне племянника Аршака, — т. е., по-видимому, двоюродном брате правившего в то время Митридата II²⁶. Анализ этого остракона позволяет попытаться внести уточнения в генеалогию ранних парфянских царей²⁷. Важные сведения содержат и некоторые другие нисийские остраконы, материалы которых до сих пор мало привлекались в исследованиях (например, № nov. 366 — также о внуке Фриаптия и № nov. 307 — о праправнуке Фриаптия)²⁸.

Возвышение парфянской династии, естественно, породило попытки Селевкидов вернуть утраченные владения. Уже в 231 г. до н. э., в результате странного на первый взгляд союза между Селевком II и Диодотом I (т. е. между царем и его бывшим сатрапом), Парфия оказалась зажатай между селевкидскими войсками и армией бактрийского царя, который предпочел Селевкидов парфянам. В результате похода 231—227 гг. до н. э. Аршак был вынужден отступить на север, в область апасаков (Strabo. XI.8.8) на юго-востоке от Аральского моря, однако от поражения парфян спас случай — умер Диодот I, а сменивший его Диодот II изменил старому договору и вместо него заключил новый, уже с Аршаком (Just. XLI.4.9), кроме того, начались беспорядки в Малой Азии, вынудившие Селевка II возвратиться, и все это привело к поражению Селевкидов.

Вторая крупная попытка селевкидской династии восстановить былое величие относится ко времени Антиоха III (233—187 гг. до н. э.), незаурядного правителя, который после подавления восстания в «Верхних сатрапиях» в 220 г. и затем похода на Птолемея предпринял в 209 г. до н. э. свой «Анабасис» на Восток, описанный Полибием (VIII—XI книги). Аршак II последовал примеру отца — отступил на север, в степи, куда Антиох идти за ним не решился, удовольствовавшись захватом Гекатомпила, Тамбракса и Сирияка. Юстин говорит о договоре, заключенном якобы между Антиохом III и Аршаком (XLI.5.7), содержание которого, однако, неясно. К. Шипман предполагает, что по этому договору Аршак мог номинально признать власть Селевкидов

²³ Schippmann. Op. cit. S. 18, 105 f.

²⁴ CHI. V. 3. Pt. I. P. 31.

²⁵ Frye. Op. cit. P. 208—210.

²⁶ Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960. С. 113 и табл.; Bickerman E. The Parthian Ostrakon № 1760 from Nisa // Bibliotheca Orientalis. 1966. XXIII. № 1—2. P. 15 f.

²⁷ См. Кошелевко. Генеалогия... С. 31—36.

²⁸ Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. II. Inscriptions of Seleucid and Parthian Period and of Eastern Iran and Central Asia. V. 2. Parthian. Plates I (by I. M. Diakonoff and V. A. Livshits, ed. D. N. Mackenzie). L., 1976. Pl. 110 f. В лондонском издании авторы привели сквозную нумерацию, указанные остраконы имеют номера соответственно 2638, 2639, 2640.

в обмен на признание последними самого Аршака царем²⁹. Во всяком случае, по свидетельствам Полибия (V. 79) и Тита Ливия (XXXVII. 40), парны служили в армии Антиоха III, что может указывать на вассалитет Аршакидов — хотя это могли быть и простые наемники (так считает Р. Фрай)³⁰. В любом случае соглашение, по-видимому, было достигнуто, и Антиох, обеспечив себе тыл, двинулся в Греко-Бактрию, где имел аналогичный «полууспех»: после безуспешной осады Бактр (208—206 гг. до н. э.) он заключил договор с Евтидемом, преемником Диодота II, которого признавал царем в обмен на признание вассалитета³¹. Конец устремлениям Антиоха III укрепиться на северо-востоке был положен его сокрушительным поражением при Магнесии от римлян. Сын Антиоха III Антиох IV также не оставлял стремления восстановить державу своих предков, но действовал в основном против Птолемеев³². К началу 30-х годов до н. э. Аршакиды сумели подчинить Месопотамию и основали на Тигре Ктесифон, будущую столицу Великой империи. При этом Митридат I обманом взял в плен Деметрия II Никатора, которого затем поселил в Гиркании (Just. XXXVI. 1.5.6).

Последним из селевкидских царей, пытавшихся противостоять Парфии, был Антиох VII Сидет (139—129 гг. до н. э.). Армия, которую он двинул на парфян, насчитывала 80 тыс. воинов и 300 тыс. человек в обозе (Just. XXXVIII.10.2). Антиох VII сумел ненадолго отвоевать Вавилонию и Мидию, а также привлечь на свою сторону население греческих городов Месопотамии, но на переговорах с Фраатом II поставил столь жесткие условия (ограничить Парфию только коренными землями, выдать Деметрия), что парфяне, в целом заинтересованные в мире, были вынуждены его отклонить. Этот момент в походе Антиоха Сидета был кульминационным, дальнейшее наступление захлебнулось благодаря антиселевкидскому восстанию жителей гарнизонных городов, спровоцированному, по всей вероятности, парфянами — сам Антиох «сражался храбрее собственного войска» и «пал, покинутый разбежавшейся в страхе армией» (Just. XXXVIII. 10.8—10). Этот разгром в сочетании с поражениями от римлян, которые не только сами воевали с Селевкидами (следствием битвы при Магнесии в 190 г. до н. э. был очень тяжелый для Антиоха III Апамейский мир), но также поддерживали Птолемеев (именно поэтому Антиох IV в 168 г. до н. э., уже осадив Александрию, вынужден был отступить), положил конец могуществу Селевкидов. В течение нескольких последующих десятилетий они владели небольшим царством в Северной Сирии и Восточной Киликии, пока совсем не исчезли из истории. Наследниками их величия на Востоке стали парфяне; Сирия в 63 г. до н. э. стала римской провинцией.

В связи с восстанием городов, приведшим к провалу похода Антиоха и в конечном счете к распаду системы эллинизма в Азии, Т. Фишер предложил уточнение хронологии похода и локализации зимовки армии Антиоха, закончившейся восстанием³³. Со времени фундаментальной работы Н. Дебойса считалось, что поход происходил в 131—130 гг. до н. э.³⁴ Т. Фишер конечной его датой считает весну 129 г., выдвигая следующую схему: начало похода, завоевание Вавилонии и Месопотамии — весна 131 г. до н. э.; переговоры Антиоха VII с Фраатом — весна 130 г.; завоевание Мидии — лето 130 г.; восстание городов и гибель Антиоха — весна 129 г. до н. э. За счет увеличения сроков похода Т. Фишер пытается оправдать предложенную им новую локализацию зимовки селевкидской армии — в Парфии или Гиркании, т. е. восточнее,

²⁹ Schippmann. Op. cit. S. 20.

³⁰ Frye. Op. cit. P. 211.

³¹ Schippmann. Op. cit. S. 21.

³² См. дискуссию об Антиохе IV: Tarn W. Greeks in Bactria and India. Cambr., 1951. P. 187—191; Morkholm O. Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966. P. 172—180; Frye. Op. cit. P. 172.

³³ Fischer Th. Untersuchungen zum Partherkrieg Antiochos' VII im Rahmen der Seleukidengeschichte. Tübingen, 1970. S. 88 f.; см. рец.: Кошеленко Г. А. // ВДИ. 1973. № 3. С. 207—211.

³⁴ Debevoise. A Political History... P. 31.

чем это считалось ранее. Это уточнение выглядит достаточно убедительным: Мидия была относительно сильно эллинизированной областью, и восстание населения ее городов, обычно находившихся в оппозиции и поддерживавших Селевкидов как освободителей, было гораздо менее вероятно, чем антиселевкидское восстание в более восточных районах, где основную массу населения составляли иранцы.

Перед тем как рассматривать внутреннее устройство Парфянского царства, имеет смысл еще раз вернуться к проблеме его возникновения. В античных источниках существует несколько версий, противоречащих одна другой. Юстин (XLI.1.1; 4.7; 5.5) пишет о парнах как о кочевниках, появившихся «из Скифии» и завоевавших Парфию. Страбон также указывает (XI.9.2—3), что Аршак был «скифом», который с парнами (частью дахов), жившими по реке Оху, завоевал Парфию. Вместе с тем Страбон указывает далее, что существуют люди, считающие Аршака бактрийцем, бежавшим от Диодота и поднявшим восстание в Парфии. Версия Арриана резко противоречит первым двум: по ней братья Аршак и Тиридат были представителями местной иранской знати, которые вместе с пятью членами других знатных родов подняли мятеж против притеснявшего их селевкидского сатрапа. Бросается в глаза сходство этой версии с ахеменидской традицией о восшествии на престол Дария и убийстве Гауматы, что позволяет многим исследователям считать сведения Арриана и следовавших ему авторов (Синкела и др.) ошибочным совмещением двух традиций³⁵. По этим и другим соображениям И. Вольский пришел к выводу об истинности версии Юстина и соответственно Помпея Трога и Страбона, а не Арриана, применительно к ранней истории Парфии³⁶. Эта точка зрения представляется достаточно обоснованной.

Трудна и до сих пор не решена проблема локализации области расселения парнов до их появления в селевкидской провинции Парфии (Pārthava древнеперсидских источников). Первое и единственное в древнеперсидских текстах упоминание дахской конфедерации племен содержится в так называемой «антидэвовской» надписи Ксеркса в Персеполе, где dahā соседствуют с saka haumavargā и sakā tigraxaudā (Xerxes, Persepolis H, 26—27). Есть упоминание о дахах и в Авесте (Yašt 13). В более поздних среднеперсидских источниках парны фигурируют в Bundahišn (XXV.43—44), где речь идет о том, как власть над Arafšahr'ом была дана правителю по имени Арагнак³⁷. У античных авторов парны упоминаются довольно часто (как арагн у Страбона и Птолемея, как sragni у Юстина). По-видимому, парны были наиболее крупной племенной группировкой в дахском союзе. Сохранились названия некоторых других племен, например xanthii, pissuri³⁸.

Страбон указывал, что парны были частью дахов и жили рядом с Гирканией и по берегам Оха (XI.9.2). Другие авторы (Arr. Anab. III.28.8,10; Curt. VIII.1.8) сообщают, что народ дахов во времена Александра Македонского еще находился в области между Оксом и Яксартом. По-видимому, впоследствии дахи переселились в районы к востоку от Каспийского моря и севернее Гиркании, а затем парны отделились и заселили область Оха³⁹. Большинство исследователей идентифицируют Ох с современной рекой Теджен в Туркмении, однако И. Хлопин предложил отождествить ее с рекой Атрек, аргументируя это, в частности, тем, что современное население до сих пор называет эту реку Охом⁴⁰.

При рассмотрении основ формирования государственности у парнских завоевателей, в недавнем прошлом кочевников, встает очень важный вопрос о том, что могли

³⁵ Frye. Op. cit. P. 206.

³⁶ Wolski J. L'historicité d'Arsaces I // Historia. 1959. Bd 8. Ht 2. S. 222—238.

³⁷ Anklesaria B. T. Zand Akāsih. Bombay, 1956. P. 299.

³⁸ SHI. V. 3. Pt. II. P. 27.

³⁹ Frye. Op. cit. P. 208; Schippmann. Op. cit. S. 15 f.; Ghirshman. L'Iran... P. 236 (последний локализует дахов между Каспийским и Аральским морями).

⁴⁰ Khlopin I. L. Zur Lösung des Rätsels des Akes-Flusses // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1971. II. S. 137—152.

и что не могли заимствовать парны у местного земледельческого населения. При этом необходимо учитывать, что, хотя мы и говорим о парнах и дахах как о кочевниках, в действительности ни те, ни другие скорее всего не были в рассматриваемый период «чистыми» кочевниками в строгом смысле слова, а вели комплексное хозяйство с начатками земледелия и соответственно полуседлым бытом. К сожалению, в историографии этот вопрос применительно к парнам практически не разработан.

К. Шипман совершенно верно указывает, что «ключ к пониманию многих проблем ранней парфянской истории» нужно искать в кочевническом прошлом парфян и в общих чертах периода эллинизма, однако дальше этого не идет⁴¹; говорит также о необходимости «привлекать данные о поведении местного населения — оседлых парфян, греков, македонцев» при рассмотрении процесса возникновения государства, но сам рисует упрощенную схему заимствования парнами системы политических и социальных отношений при устранении местных высших социальных групп⁴². В действительности, как нам представляется, имело место не замещение, а «надстраивание» парнской знатью греко-македонской землевладельческой верхушки, причем парфяне, видимо, не стремились вмешиваться в сельскохозяйственное производство и жизнь городов, а лишь эксплуатировали сложившуюся систему, так как это было ближе к традиционному пониманию отношений с оседлым населением. Как нам кажется, именно эта архаичность в облике недавних «варваров», ясно заметная в ранней парфянской истории, может в определенной степени служить тем «ключом», о котором говорит К. Шипман. Сама власть парфянских царей в единстве со знатью долгое время была прежде всего военной и мало опиралась на экономическую основу. Подтверждением этому могут служить частые войны, которым Аршакиды придавали большое значение: если не были вынуждены обороняться сами, то немедленно предпринимали захватнические походы, в которых на первом месте стояли сиюминутные задачи, а экономическая «программа» в значительной степени сводилась просто к грабежу. Поэтому похвала К. Шипмана парфянским правителям за «вполне умелые действия» при организации управления на завоеванных территориях — сохранение деления провинций, местного законодательства и привилегий эллинистических городов⁴³ — выглядит весьма сомнительным комплиментом завоевателям, которые, на наш взгляд, часто просто не могли предложить ничего своего взамен устоявшейся системы. На примере завоевания Вавилонии видно, как формировалась эта «мудрая» политика: сразу же после подчинения Месопотамии парфяне начали усиленно притеснять греков (Just. XXXVI. 1; XLII.1), что, естественно, породило протест и облегчило возвращение Деметрия II; лишь в 140—139 гг. до н. э. Митридат сумел вернуть себе Селевкию, причем на сей раз вел себя совершенно иначе, «заигрывая» с греками и даже разрешив городу чеканить собственную бронзовую монету, на своих же тетрадрахмах он стал прибавлять к титулам эпитет «филэллин»⁴⁴. В целом парфяне понимали опасность конфронтации с влиятельным греческим населением, так что расправа над греками, учиненная парфянами в Сиринке и описанная Полибием (X.31.11), была скорее исключением, чем правилом.

В оценках реальных отношений парфян и греков в литературе нет единства. Многие исследователи рассматривают их как в целом враждебные, однако прав Э. Бикерман, указывая, что противоречие между греческой и иранской культурой в Парфии часто преувеличивают⁴⁵. Например, Филострат (I.31—32) писал о том, что парфянский царь Вардан «вполне владел греческим языком, равно как и местным». Кроме всего

⁴¹ Schippmann. Op. cit. S. 2, 14.

⁴² Ibid. S. 23, 83.

⁴³ Ibid. S. 85.

⁴⁴ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ, см. подробнее: Кошеленко Г. А. Монетное дело Парфии при Митридате I // Нумизматика и эпиграфика. 1972. X. С. 92 сл.

⁴⁵ CHIr. V. 3. Pt. I. P. 16.

прочего, отношения греков и македонян с иранцами не были единственной линией взаимовлияний, достаточно вспомнить семитоязычное население месопотамских городов. В литературе общепризнано, что в период завоеваний, по крайней мере в восточных областях селевкидской державы, основная масса населения принимала парнов с меньшей враждебностью, чем греческих сатрапов⁴⁶. Как писал Юстин, язык парнов был «средним между скифским и мидийским и включал признаки обоих» (XLI.1.1), т. е. был близкородственным языку местного населения.

В связи со сказанным обычно дискутируется вопрос о значении эпитета «филэллин», который впервые появляется на тетрадрахмах Митридата I селевкидской эмиссии⁴⁷. Несомненно, присвоение Аршакидами этого титула в сочетании с использованием греческого языка в легендах монет указывает, с одной стороны, на то большое влияние, которое имело греческое и македонское население в Парфии, и, с другой, на попытки парфянских царей расширить базу своего господства и получить доступ к выгодам торговли, которую вели греки на Востоке. В качестве причин этой «дружбы», скорее представлявшей собой «вынужденную политическую меру»⁴⁸, в историографии называют желание завоевать расположение эллинистических городов (Р. Фрай)⁴⁹, создать видимость преемственности аршакидской власти от селевкидской (Р. Гиршман)⁵⁰, получить доступ к транзитной торговле городов и, наконец, попытаться привлечь греков в администрацию стремительно расширяющегося государства (К. Шипман)⁵¹. Все эти мотивы в действительности имели место, но в литературе не приводится хронологического разделения: нам представляется, что они не действовали все сразу и равномерно, а сменяли друг друга на протяжении парфянской истории — в начале захватов парны осознали опасность конфронтаций с греческим населением; позднее, по мере развития государства Аршакидов, на первый план выходили экономические соображения и нужды аппарата управления. О конкретно-политической направленности подобной титулатуры может свидетельствовать легкое дополнение эпитета ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ другим подобным же (ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΝ) на тетрадрахмах Тиридата, римского ставленника, которому в 26 г. до н. э. удалось изгнать Фраата IV с парфянского трона⁵².

Приставка «филэллин» исчезает в начале I в. н. э. с некоторых серебряных монет Артабана II (одновременно оставаясь на других монетах)⁵³ и затем с монет Вологеза IV, время правления которого иногда называют «иранским Ренессансом»⁵⁴. При этом царе иранская ориентация возобладали над греческой, стала распространяться чеканка монет с легендой на парфянском языке, на Тигре была основана в противовес греческим городам Вологесокерта (Plin. HN. VI. 26 (122)⁵⁵; в соответствии с исторической традицией в науке уже довольно давно распространилось мнение, что именно Вологез провел сбор и запись текстов Авесты⁵⁶. Характерная для Парфии греческая легенда

⁴⁶ Ghirshman. L'Iran... P. 236.

⁴⁷ Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. 2nd. ed. L., 1980. P. 29 (тип 13.1—5).

⁴⁸ Ghirshman. L'Iran... P. 258.

⁴⁹ Frye. Op. cit. P. 211.

⁵⁰ Ghirshman. L'Iran... P. 239, 257.

⁵¹ Schippmann. Op. cit. S. 25, 75—76.

⁵² Sellwood. An Introduction... (серии 55.7—9); Debevoise. A Political History... P. 137; Wroth W. W. Catalogue of the Coins of Parthia. British Museum. L., 1903. P. 135.

⁵³ Sellwood. An Introduction... (типы 62; 63.1—5).

⁵⁴ Ghirshman. L'Iran... P. 248.

⁵⁵ Chaumont M.-L. Etudes d'histoire parthe. III. Les villes fondées par les Vologèses // Syria. 1974. T. LI. Fasc. 1—2. P. 77.

⁵⁶ Herzfeld E. Zoroaster and his World. V. II. Princeton, 1947. P. 738; Christensen A. Étude sur le zoroastrisme de la Perse antique. Kopenhagen, 1928. P. 43.

на монетах, например, у Митридата II в наиболее развернутом виде ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣΑΚΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ ΔΙΚΑΙΟΥ ΚΑΙ ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ или ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΑΡΣΑΚΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ⁵⁷ — заменяется более лаконичной парфянской, например, wlgšy MLK³ на монетах Вологеза IV⁵⁸. Строго говоря, еще Аршак I, а не только поздние цари, употреблял на своих монетах легенду, написанную арамейским письмом, которое могло соседствовать с греческой надписью на одной и той же монете (например, на драмах монетного двора Митридатакерта (Нисы): ΑΡΣΑΚΟΥ kny, чему на других драмах с полностью греческой легендой соответствует ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ)⁵⁹. Однако после Аршака I парфянские цари долгое время не возвращались к арамейской легенде. Из монетных дворов наиболее «консервативным» был двор в Гекамтшиле, дольше всех придерживавшийся традиций ранней парфянской чеканки (сохранялся поворот головы царя влево на лицевой стороне монеты, а также изображение на реверсе «лучника», сидящего на омфале)⁶⁰. Больше изменчивости демонстрируют монеты, выпущенные в Экбатанах, Бактрии и Селевкии на Тигре⁶¹.

В связи с расширением Парфянского царства и его превращением в великую державу в литературе часто возвращаются к анализу изменений в титулатуре парфянских царей. Захватив около 147 г. до н. э. Мидию (Just. LXI.6), Митридат I отметил этот успех принятием титула «великий царь», который появляется на серебряных и бронзовых монетах всех номиналов, выпущенных в Экбатанах⁶². Изменение титулатуры на монетах Митридата I происходило в целом по следующей схеме: «Аршак» — «Аршак, царь» — «Аршак, великий царь» — «Аршак, великий царь, филеллин» (на монетах селевкийской чеканки)⁶³. Вместе с тем «царем царей» Митридат I себя еще не именовал. Это сделал Митридат II, великий завоеватель и один из немногих парфянских царей, сумевших укрепить центральную власть. Его военно-политические успехи отразились в принятии целого ряда новых титулов: ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ⁶⁴, ΣΩΤΗΡΟΣ⁶⁵, наконец, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ⁶⁶. Последний титул зафиксирован не только на монетах, но и в вавилонских клинописных документах примерно со 109 г. до н. э. в виде Sar Sarrani⁶⁷, а также в греческой надписи с Делоса, датированной 102/101 г. до н. э., в которой о каком-то из приближенных царя говорится, что он один из τῶν πρῶτων φίλων τοῦ βασιλεὺς βασιλεῶν Μεγάλου Ἀρσάκου («один из первых друзей царя царей, Великого Аршака»)⁶⁸. Кроме того, изменилось изображение на реверсе монет (раньше лучник сидел на омфале, теперь же появился трон с высокой спинкой)⁶⁹, профиль царя на лицевой стороне увенчан был, в стиле древневосточных традиций, тиарой⁷⁰.

⁵⁷ Sellwood D. The Parthian Coins of Gotarzes I, Orodes I and Sinatruces // NC. 1962. P. 75; *idem*. An Introduction... P. 63 f.

⁵⁸ Sellwood. An Introduction... (серия 84. 134).

⁵⁹ *Ibid.* (типы 1—4).

⁶⁰ Кошеленко. Монетное дело Парфии... С. 99; ср. монеты Аршака первой нисийской чеканки: Sellwood. An Introduction... (типы 1—4).

⁶¹ Г. Де Ридер на основании анализа некоторых монет Митридата I предполагал также существование монетного двора в Спринке: *Le Rider G. Suse sous les Séleucides et les Parthes*. P., 1965. P. 195—196; ср. *Wroth. Catalogue*... P. LXXX—LXXXI.

⁶² *Le Rider. Suse*... P. 340—345.; *Chaumont M.-L. Etudes d'histoire parthe*. IV. À propos d'une inscription du «Grand Roi» Gotarze // Syria. 1979. T. LXI. Fasc. 1—2. P. 157—158.

⁶³ Sellwood. An Introduction... P. 29 f.

⁶⁴ *Ibid.* (типы 23, 24, 26)

⁶⁵ *Ibid.* (тип 25).

⁶⁶ *Ibid.* (типы 27—29).

⁶⁷ *Oelsner J. Randbemerkungen zur arsakidischen Geschichte anhand von babylonischen Keilschrifttexten // Altorientalische Forschungen*. 1975. III. S. 35—36.

⁶⁸ *Le Rider. Suse*... P. 390. № 2; *Chaumont. Etudes*... IV. P. 158.

⁶⁹ Sellwood. The Parthian Coins... P. 73.

⁷⁰ *Idem*. An Introduction... (начиная с типа 28).

Появление тиары завершило эволюцию головных уборов парфянских царей на монетах: от башлыка у первых Аршакидов к эллинистической диадеме и, наконец, древневосточной тиаре⁷¹. Башлык ранних парфянских царей может указывать на их недавнее кочевническое прошлое, однако необходимо помнить, что такой же головной убор мы видим и на монетах сатрапов ахеменидского периода⁷².

Замечательно, что спустя длительное время, когда могущество парфян уже клонилось к закату, Аршакиды расстались со сложной титулатурой и на монетах стали писать просто: «царь» (например, Митридат IV в середине II в. н. э. чеканил монеты с надписью по-парфянски: mtrdt MLK')⁷³. М. Шомон, однако, считает, что титул «великий царь» не исчезал совсем из употребления, а сохранялся локально — недаром он так легко появляется у сасанидского Шапура I⁷⁴.

Вовсе не обязательно, как делают некоторые авторы, выводить титул «царь царей» именно от Ахеменидов, заимствование происходило в общем контексте освоения парфянами древневосточных традиций. Действительно, в источниках есть указания на попытки парфянских царей создать видимость преемственности своей власти от Ахеменидов: об этом писали Филострат (I.35), Арриан (фр. 1 у Сингела — происхождение от Артаксеркса Ахеменида), Тацит (Ann. VI.31 — заимствование титула «царь царей»; требование послов Артабана II римлянам возратить все те области, которые в свое время принадлежали Ахеменидам), об этом же говорили и другие авторы (Dio. Cass. LXVIII.26; Suet. Tiber. 66). Конечно, величие Ахеменидов было для парфян главным предметом подражания, но не единственным. Например, К. Шипман считает, что изображение лучника на оборотной стороне парфянских монет может быть объяснено только как заимствование с рельефов и монет Ахеменидов⁷⁵, в действительности же представление о луке как символе царской власти известно у многих иранских народов, в частности у скифов и саков (на это указывали Д. С. Раевский⁷⁶ и Е. В. Зеймаль⁷⁷). Поэтому его появление на монетах нельзя рассматривать как простое заимствование — оно опиралось в значительной степени на самостоятельную традицию. В целом при анализе титулатуры следует исходить из взаимодействия трех основных традиций — кочевнической, греко-македонской и древневосточной, отчасти прослеженного в историографии применительно к архитектуре и культуре (Г. А. Кошеленко) и системе управления (Р. Фрай)⁷⁸.

Одним из проявлений архаичности парфянского общества и устойчивости в нем традиций, восходящих к кочевому прошлому времен парского союза, о которых мы уже говорили, была ограниченность верховной власти. Важную роль в государственных делах играла знать, которая была традиционно сильна и фактически ограничивала власть царя, влияя в том числе на вопрос о престолонаследии. Это особенно относится к периоду конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., когда знать, пригласив на престол, спустя короткий срок смещала нескольких царей подряд. Опора на знать позволяла некоторым царям произвольно назначать себе преемников в обход более близких претендентов (как сделал, в частности, Фраат I, назначивший царем своего младшего брата, будущего Митридата I, — Just. XLI.5.8).

⁷¹ Ibid. passim.

⁷² СНIr. V. 3. Pt. I. P. 279—280; *Babelon E.* Les Perses achéménides. P., 1893. Pl. III, IV; *Osten H. H.*, von der. Die Welt der Perser. Stuttgart, 1968. Taf. 68.

⁷³ *De Morgan J.* Manuel de numismatique orientale. V. I. P., 1923—1936. P. 167.

⁷⁴ *Chaumont.* Etudes... IV. P. 158.

⁷⁵ *Schipmann.* Op. cit. S. 76.

⁷⁶ *Раевский Д. С.* К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 81—86.

⁷⁷ *Зеймаль Е. В.* Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Гос. Эрмитажа. 1982. XLVII. С. 46—49.

⁷⁸ *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966. С. 33; *Frye.* Op. cit. P. 216.

Такая ситуация породила у древних авторов представление о существовании «совета знати» у парфян. Об этом писал Юстин (XLII.4.1), а Страбон (XI.9.3) говорил даже о существовании двух советов. В обоих отрывках говорится, что совет знати мог назначать нового царя, подбирая подходящую для себя кандидатуру, что фактически означает выборность власти. При этом соблюдался принцип наследования верховной власти в государстве всем аршакидским родом в целом, что, по всей вероятности, коренится в кочевнических традициях с их «удельным» принципом распределения власти, когда каждый член правящего рода в идеале должен был иметь в управлении определенную группу кочевников в соответствии с их коренной территорией, районами перекочевков и завоеванными областями⁷⁹. В античных источниках имеются данные в пользу такого принципа наследования всем родом Аршакидов (Strabo. XVI.1.28; Amm. Marc. XXIII.6.6).

В историографии мнения о реальности существования оформленного совета знати разделились. К. Шипман сомневается в ней и во всяком случае выступает против понимания этого «сената» как оформленного и постоянно действующего органа⁸⁰; Р. Гиршман, наоборот, признает существование двух советов: «сената» и, кроме того, «совета знати и магов», выполняющего консультативные функции⁸¹. При этом он, конечно, опирается на уже приводившееся сообщение Страбона (XI.9.3), который вслед за Посидонием пишет, что высший совет (συμβούριον) парфян состоял из двух частей: одна — из родственников царя, другая — из мудрецов и магов, причем обе части вместе называли будущего царя. Нам представляется верным предположение В. Г. Луконина о том, что версия Страбона, по всей видимости, опиралась на его знание селевкидской системы, при которой ближайшее окружение царя состояло из его родственников (συγγενεῖς) и друзей (φίλοι) различных рангов⁸².

Кажется правомерным более осторожный подход к анализу сведений Страбона и Юстина. По-видимому, совета знати как такового при аршакидском дворе не существовало, и влияние знати, которое действительно было очень сильным, осуществлялось «явочным порядком». И. Вольский и Р. Фрай допускают оформление совета лишь в последний период существования династии⁸³. Применительно к сасанидской эпохе имеются более развернутые сведения о совете знати (например, в письме VI в. н. э. Nāma-yi Tansar говорится о выборе нового царя из числа сыновей предыдущего)⁸⁴.

Знать была для Аршакидов одновременно и опорой, и источником многих трудностей. В начале аршакидских завоеваний парнская знать, прежде всего несколько наиболее влиятельных родов, была именно той силой, которая помогла Аршакидам стать царями и опираясь на которую они смогли совершать дальнейшие завоевания. С другой стороны, знать постоянно поддерживала междоусобицы, которые подрывали центральную власть и в конечном счете способствовали упадку Аршакидской державы. Могущество знати сохранялось на всем протяжении парфянской истории в значительной мере благодаря продолжавшимся войнам, постоянно «гальванизировавшим» военную организацию парфян, в которой знать принадлежала первостепенная роль (достаточно вспомнить десяти тысячное войско Сурена при Каррах).

Важным проявлением влияния знати были многочисленные дворцовые перевороты. Она нередко действовала сепаратно от центральной власти, — в частности, после убийства Орода III, совершенного по воле знати, она снарядила собственное посольство в Рим с просьбой вернуть Вонона, старшего сына Фраата IV и Музы, жившего

⁷⁹ Košelenko G. Les cavaliers parthes // Dialogues d'histoire ancienne. 6. Univ. de Bésançon. P. 186.

⁸⁰ Schippmann. Op. cit. P. 86.

⁸¹ Ghirshman. L'Iran... P. 255.

⁸² CHIr. V. 3. Pt. II. P. 689.

⁸³ Wolski J. Remarques critiques sur les institutions des Arsacides // Eos. 1954. 46. P. 60; Frye. Op. cit. P. 220.

⁸⁴ CHIr. V. 3. Pt. II. P. 689; Boyce M. The Letter of Tansar. Roma, 1968.

в Риме с 10 г. до н. э. с тремя братьями. Император Август выполнил эту просьбу, и в 8/9 г. н. э. Вонон короновался на царство, однако тоже был смещен и занял армянский престол, но удержался недолго⁸⁵. Нового парфянского царя Артабана II через 20 лет постигла та же участь, что и его предшественников — Вонона, Орода III и Фраатака. На этот раз знать послала в 35 г. н. э. тайное посольство к Тиберию во главе с Синнаком. Этот сепаратный контакт опять привел к тому, что римский император послал в Парфию Фраата, другого сына Фраата IV, а после его внезапной смерти в Сирии — внука Фраата IV, Тиридата; Артабан II лишился трона и бежал на северо-восток, но вскоре сумел вернуться к власти (Тас. Ann. VI. 36). Источники содержат и другие примеры вмешательства знати в династическую борьбу (Тас. Ann. II. 1—2; Joseph. Ant. XVIII.4 — после смерти Фраата III; Тас. Ann. XI.10; XII.10 — при Готарзе, в середине I в. н. э.).

Роль знати не всегда была одинакова. Как правило, ее ставленники должны были придерживаться восточной ориентации, т. е. иметь поддержку прежде всего в коренных областях Парфии. В этом случае знать была едина и давала политическую и военную помощь «своему» претенденту (например, в 50-х годах до н. э. она помогла Ороду отвоевать у Митридата Вавилон — Just. XLII.4.1). Вместе с тем 20 лет спустя часть знати поддержала и римского ставленника Тиридата («optimes» у Юстина, XLII.5.2). Г. А. Кошеленко вполне обоснованно предлагал видеть в этой знати, ориентировавшейся на Рим, ту часть парфянской верхушки, которая осела в Месопотамии на руководящих постах в администрации и армии и при размежевании предпочитала более выгодную ей западную ориентацию⁸⁶. Однако это случай в целом нетипичный, более характерной была, конечно, восточная ориентация, примером которой служит история ставленника антиримской партии Артабана II. Его опорой были северо-восточные провинции, куда он отступил после неудачи (Joseph. Ant. XVIII. 4.4; Тас. Ann. VI.36) и где почерпнул силы для обратного наступления на столицу (Тас. Ann. II. 3; VI. 44). Сам Артабан либо состоял в родстве с дахами, либо воспитывался среди них (Тас. Ann. II. 3; VI.36), и войска его в значительной степени состояли из контингентов северо-восточных провинций (Joseph. Ant. XVIII. 4.4; Тас. Ann. VI.44). По-видимому, Артабан принадлежал к роду Аршакидов лишь по матери⁸⁷. Для консервативной части парфянской знати, опирающейся на коренные области, была характерна великодержавная политика и абсолютно непримиримая позиция в отношении Рима (см. Тас. Ann. VI.34 — речь Орода, сына Артабана II, перед войсками).

В целом, как нам представляется, в определении роли знати и внутренней опоры претендентов в династической борьбе в Парфии имеет смысл исходить из взаимодействия трех основных сил: Рима и сторонников проримской политики внутри страны; эллинистических городов Месопотамии и Мидии, всегда оппозиционно настроенных; наконец, коренных областей Парфии, служивших оплотом консерватизма и антиримских настроений. Верхние слои восточных городов, как и греческих, нередко вставали на сторону римлян и, во всяком случае, были склонны к оппозиции, подобно племенной знати северо-востока⁸⁸.

Зависимость центральной власти от парнской знати даже в пору зрелости государства дополнялась системой традиционных установлений, также ограничивавших власть Аршакидов⁸⁹. Например, при воцарении Тиридата часть знати, по-видимому, не считала себя связанной с царем на том формальном основании, что не присутствовала при коронации (Тас. Ann. VI.42—43). Род Суренов обладал особой прерогативой: при

⁸⁵ См. подробнее: *Schippmann*. Op. cit. S. 49—52; *Frye*. Op. cit. P. 237; *CHIr*. V. 3. Pt. I. P. 68.

⁸⁶ *Кошеленко Г. А.* О внутриполитической борьбе в Парфии // ВДИ. 1963. № 3. С. 60; *Rostovtzeff M., Welles C.* A Parchment Contract of Loan from Dura-Europos on the Euphrates // *YCS*. 1932. V. 2. P. 33 f.

⁸⁷ *Kahrstedt U.* Artabanos III und seine Erben. Bern, 1950. S. 11.

⁸⁸ См. *Кошеленко*. О внутриполитической борьбе... С. 62.

⁸⁹ *Košelenko*. Les cavaliers... P. 186.

коронации его представитель возлагал диадему на голову царя (Plut. Crass. 21; Tac. Ann. VI.42); таким образом, Аршакиды получали царство в буквальном смысле из рук знати.

Еще одним проявлением силы аристократии была ограниченная военная самостоятельность парфянских царей, отражавшая еще кочевническую систему, при которой лишь объединенные усилия всех племенных подразделений, каждое из которых управлялось своим знатным родом, позволяли осуществлять крупные завоевания. Позднее архаичная военная организация сохранялась благодаря непрекращающимся войнам, тем более что с военной точки зрения она себя оправдывала, и, кроме того, служила постоянным залогом влияния знати на царя. Это привело к тому, что парфянские цари, великие завоеватели, сами обладали лишь очень ограниченной военной силой. Когда во время борьбы за власть в Риме между Септимием Севером и Песцением Нигером (парфяне поддерживали последнего) встал вопрос о военной помощи, Вологез V (190—206 гг. н. э.) смог лишь пообещать, что призовет своих вассалов предоставить их отряды в распоряжение Великого царя (Herodian. III.1.1—3). В общей форме о выставлении знатью своих отрядов в армию царя говорит Юстин (XLI.2.5), конкретные случаи описаны у Плутарха (Crass. 21 — о Сурене) и Тацита (Ann. VI.37 — об Орноспаде, Ann. XII.13 — о Карене).

Естественно, что такая самостоятельность знатных родов постоянно порождала сепаратизм в провинциях. В парфянской истории было много случаев, когда вассальные правители и сатрапы вместе со своими армиями покидали царя (это происходило почти при каждом наступлении римлян)⁹⁰. С другой стороны, относительная самостоятельность местной знати в сочетании с постоянно сохранявшимися связями с миром кочевых племен на северо-востоке приводила к тому, что последние принимали непосредственное участие в династической борьбе, — например, сакараукам удалось посадить ок. 77 до н. э. на парфянский престол своего царя, 80-летнего Синатрука (Lucian. Macrob. 15)⁹¹. Сами Аршакиды тоже прибегали к поддержке кочевников в борьбе за власть — Тацит, в частности, описывает (Ann. XI.8), как Готарз использовал дахов и гирканцев против Вардана, который вынужден был на некоторое время бежать в Бактрию⁹². Фраату также помогли вернуть трон «скифы» (Just. XLII.1.2), да и сам Аршак, потерпев неудачу в борьбе с Селевком Каллиником, в свое время бежал к аспахакам (Strabo. XI.8.8).

Парфянская знать, конечно, не могла быть однородной. О существовавшей иерархии сохранилось мало конкретных сведений, источники говорят прежде всего о наивысшем слое, включавшем представителей семи важнейших родов, члены которых, согласно традиции, принимали участие в начальных завоеваниях и свержении македонской власти. Число этих родов наводит на мысль о фиктивности аршакидской традиции, явно подражающей Ахеменидам⁹³. Более подробные сведения об этих родах содержатся лишь в позднейших сасанидских источниках⁹⁴. В парфянский же период из часто упоминаемых в среднеперсидских текстах семи родов прослеживаются только два — Суренов и Каренов. Об одном представителе Суренов (известно только его родовое имя, употребляемое в источниках вместо собственного), отличившемся при Каррах, рассказывает Плутарх (Crass. 21. 6—7), о другом члене того же рода говорит Тацит (Ann. VI.42). У Тацита также упоминается и род Каренов, какой-то представитель которого участвовал в борьбе Митридата и Готарза II на стороне первого (Tac. Ann. XII.10—14). Помимо Суренов и Каренов в источниках сохранились имена нескольких других пред-

⁹⁰ См., например, Schippmann. Op. cit. S. 66 (о наступлении Авидия Кассия в 164 г. н. э.).

⁹¹ Frye. Op. cit. P. 215; Schippmann. Op. cit. S. 33 f; CHIГ. V. 3. Pt. I. P. 44 f.

⁹² См. подробнее дискуссию о пути его бегства и затем возвращения в CHIГ. V. 3. Pt. I. P. 75 f.

⁹³ Košelenko. Les cavaliers... P. 190—191; Ghirshman. L'Iran... P. 236, 253—255.

⁹⁴ Frye. Op. cit. P. 226.

ставителей знати, о которых точно не известно, принадлежали ли они к высшей «семрке» родов: это Монес (Plut. Anton. 37), Орноспад (Tac. Ann. VI.37), Синнак (ibid. VI.31).

Самостоятельную проблему представляет выяснение изменений в соотношении сил знати и центральной власти. В литературе этот вопрос подробно не рассматривается, лишь в общей форме некоторые авторы говорят о тенденции к усилению влияния аристократии во второй половине аршакидской эры⁹⁵. С нашей точки зрения, имело место не столько усиление аристократии, сколько обострение ее противоречий с центральной властью, выражавшееся в постоянных смутах (особенно с I в. до н. э.). Вначале она реже приходила в противоречие с царем, так как была заинтересована в завоевательных войнах, которые одну за другой вели Аршакиды. По мере же стабилизации границ исчезала одна из важных основ союза знати с центральной властью, отчасти ослаблялась ее приверженность царю. Традиционно воспринимая царскую власть как прежде всего военный, а не политический институт, крупные роды парфянской знати, обладавшие значительной военной силой и влиянием, при исчезновении интегрирующего внешнего фактора становились той средой, которая питала сепаратизм и бесконечные междоусобицы.

Эта наша схема, как и всякая другая, односторонняя и не может отразить всего многообразия исторической действительности, но она в ряде случаев подтверждается источниками. Картина грабительских походов парнов у Страбона (XI.8.3) и описание Юстином Аршака I как «человека, привыкшего жить грабежом и разбоем» (XLI.4.7) могут характеризовать период становления аршакидской державы. Эти черты своей «предыстории» парфяне сохраняли длительное время, что подчеркивал Страбон (XI.9.2), а Фавстос Бузанд писал примерно о том же уже после конца аршакидской эры⁹⁶. Замечательно, что парфяне в течение длительного времени не изменяли своей военной тактики и стратегии — подобно тому, как когда-то скифы отступили в степи и таким образом уклонились от нападения Дария, который вынужден был после этого вернуться ни с чем, парфяне, избегая сражения с Селевком II, также ушли на север вплоть до Аральского моря. Отсюда, как нам кажется, берет начало тактика удивительно легких отступлений на север и северо-восток, применявшаяся парфянами и в гораздо более позднее время. Например, римляне трижды брали парфянскую столицу (Ктесифон) — Траян в 114 или 115 г. н. э., Септимий Север в 197 г., а также Луций Вера в 165 г. после неудачного похода Вологеза IV на запад⁹⁷. Во всех этих случаях парфяне, сохраняя армию, уходили в глубь страны, не очень сожалея о разрушенных городах, — им всегда удавалось вскоре возвратиться, военной силой восстановить свою власть и затем ждать, пока постепенно возродятся эллинистические города, интересы которых долгое время были им чужды. С другой стороны, показательна неспособность парфян использовать последствия своих побед над Римом: даже после Карр предпринятая в 51 г. н. э. попытка развить достигнутый успех вылилась в кратковременный и грабительский по характеру рейд Пакура, парфянского принца, вдоль Евфрата по греческим городам⁹⁸. Парфяне не использовали и другие удобные политические ситуации, в частности гражданские войны в Риме, в которых в некоторых случаях даже участвовали их войска. Единственный раз за всю историю Аршакиды объявили Риму войну — это сделал в 161 г. Вологез IV, воспользовавшись сменой императора (им только что стал Марк Аврелий). Однако война имела локальный характер, парфяне захватили ненадолго Сирию и Армению, но удержать не смогли, через три года они оставили обе области и отступили под ударами Луция Вера, сдав римлянам Селевкию и Ктесифон в 165 г., — наступление последних захлебнулось из-за эпидемии оспы (по мнению дру-

⁹⁵ Ibid.; Schippmann. Op. cit. S. 31 f.

⁹⁶ Фавстос Бузанд. История Армении / Пер. М. Геворгияна. Ереван, 1953. С. 14.

⁹⁷ Ghirshman. L'Iran... P. 249 f.

⁹⁸ CHIr. V. 3. Pt. I. P. 56.

гих — чумы), распространившейся впоследствии вплоть до Рима⁹⁹. В конечном счете, в этом неудачном военном предприятии сказались недостатки и нечеткость политической программы Аршакидов. В меньшинстве остается И. Вольский, предполагавший в связи с другим неудачным наступлением за Евфрат (под предводительством Орода и Лабиена), что у парфян существовал план не только завоевать Сирию, но и приобрести выход к Средиземному морю¹⁰⁰. По всей вероятности, цельного плана у парфян не существовало, и они не воспринимали свой поход в таком широком контексте¹⁰¹.

В связи с этим возникает вопрос: как удалось парфянам, «долго сохранявшим в своих нравах много варварского и скифского» (Strabo. XI.9.2), создать и поддерживать в течение столетий великую державу¹⁰²? Объяснение, как нам представляется, нужно искать в военном характере парфянской власти, который позволял с большим или меньшим успехом сохранять целостность государства, на протяжении долгого времени уходя от решения социально-экономических проблем и необходимости более глубокой интеграции державы. Свою роль, очевидно, сыграло и то, что завоеванные парфянами территории ранее принадлежали Селевкидам, от которых Аршакидам досталась уже в значительной степени готовая структура.

В целом, как нам кажется, в истории парфянского царства условно можно выделить две линии развития: первая связана с государственно-политическими отношениями (войны, союзы, внешние контакты и торговли, устройство управления), в ней Аршакидам поневоле приходилось выступать в более «цивилизованном» облике, быстрее усваивать чужой опыт; вторую линию составляет никогда не прерывавшаяся связь парфянских царей с их кочевническим прошлым. Первая линия имела тенденцию со временем поглощать вторую, однако даже в наиболее слабые времена династия Аршакидов продолжала сохранять многие варварские черты (выше говорилось об ограниченности центральной власти рядом традиционных установлений, могуществе знатных родов, влиянии племен северо-востока на престолонаследие, роль войн и военной организации в государстве, и др.).

Из сделанного нами обзора видна неравномерность, существующая в исследовании истории Парфии. Довольно хорошо разработана в историографии политическая история, много писалось о «филэллинстве» Аршакидов и греческом влиянии в культуре, однако малоизученным остается семитское население державы; кроме того, обычно преувеличивается роль ахеменидского наследия в формировании титулатуры и атрибутов царской власти Аршакидов. Описание династических споров в литературе часто подменяет исследование социально-политических основ неустойчивости власти, а влияние знати нередко рассматривается статично, хотя в этой важнейшей для Парфии проблеме важна прежде всего динамика. Впрочем, в основном эти недостатки отражают состояние источников.

А. И. Бадер

⁹⁹ Schippmann. Op. cit. S. 65—67.

¹⁰⁰ J. Wolski. Les parthes et la Syrie // AI. 3me série. 1976. V. P. 395 suiv.

¹⁰¹ Ghirshman. L'Iran... P. 250.

¹⁰² См., например, Schippmann. Op. cit. S. 75.